

— Успокойсь, но ненадолго. А если всё же она — птица-тройка, Россия?! То куда она мчится?.. Во что превратятся труд, стремления, отвага, подвижничество и усердие славных её сынов! Знаменитых и безвестных, но так преданных ей! Веривших в неё!
Самара, 2014–2017.

Финальные строки книги
“Сага о первооткрывателях”

Долгие годы стену над моим столом украшала карта Магаданской области. Самый большой регион Советского Союза, включавший тогда и Чукотку, по площади перекрывал совокупные территории Франции, Испании, Бельгии и Болгарии. С карты той, как звёздочки, загадками манили чудные слова: Библино, Сусуман, Сейчман, Оротукан, Дебин, Мякит, Анадырь, Певек, бухта Провидения, Уэлен, Ола, Талая, мыс Шмидта... Извилистым пунктиром стелилась там “зловещая” Колымская трасса. Зловещая? Ха-ха...

Это для жителей “материка” Колыма с Магаданом олицетворяли ГУЛг, каторгу и несносный климат: “Колыма ты, Колыма, // чудная планета: // 12 месяцев зима, // остальное — лето”... Или, как в “Бриллиантовой руке”: “Приезжайте к нам на Колыму. — Нет, уж лучше вы к нам...”

Но я-то провёл на Колыме 5 лет (1974–1979), самых добрых лет жизни — с 5-го по 10-й класс. И для меня, и моих сверстников Колыма — “лучшая планета” с 30-градусным летом, удивительной природой, первозданной тайгой, весёлыми и горными ручьями меж уютных сопок и сахарных хребтов. А ещё это жизнерадостные лайки с пушистыми бубликами вместо хвостов, бескрайние ковры ягод и грибов, добротные и тёплые домики на сваях, в которых двери не запираются, а продукты в вёдрах и кастрюлях “охлаждаются” прямо в подъезде. И, конечно же, отличные люди со всего великого и дружного Союза. Такая вот была она, планета Колыма 70-х.

Это сегодня каждое слово с той карты — как забытый пароль, как заветное заклинание к утраченному сокровищу двух сказочных планет: Страны Детства и Страны Советов. А тогда мы мирно жили и счастливо росли в посёлке гидростроителей Синегорье в живописной долине среди заснеженных зимой и летом вершин. Осваивая леса и доли, мы, мальчишки, нет-нет да наткнёмся на заброшенный прииск с обтёрханным вашгердом. А что, обычное дело. Колыма же — это золото. Валютный цех страны. Такой была она почти век назад, такова и сейчас.

Прошлое 40 лет, и дивные “звёздочки” с той советской карты 1970-х всё больше напоминают руины необитаемой старательской артели. Метель забвенья гасит память. Так и у меня. Как вдруг...

Инженер Малиновский открывает...

Как вдруг всё разом ожило и засверкало с новой силой. Месяц с хвостиком назад мой старший товарищ Александр Станиславович Малиновский прислал для ознакомления книгу “Сага о первооткрывателях”. Ещё не изданную – ПДФ-вариант. Но уже после первых страниц я твёрдо знал: откликнусь. Причём на тот момент мною скорее руководила нахлынувшая волной ностальгия. Среднекан, Бохача, Талая – никогда не бывший на Севере Малиновский писал о моей Колыме, о “звёздочках” моей карты! Увы, писатель властен только над своей книгой. Линии его собственной судьбы безжалостно редактирует Жизнь. И месяц спустя я делаю отзыв на совсем другой ноте...

26 ноября Александра Станиславовича не стало. И “Сага о первооткрывателях” невольно превратилась в реквием не только её героям, но и вдохновенному создателю. Руководитель самарской областной организации СП России **Александр Громов** предварил “Сагу” авторским портретом: “Удивительный человек – Александр Станиславович Малиновский. Казалось бы, столько уже всего пройдено и пережито, столько открытий, столько достижений... Ну, посмотрите: он прошёл путь от рядового рабочего до генерального директора и руководил несколькими крупными нефтехимическими предприятиями почти четверть века, он заслуженный изобретатель России, академик Российской инженерной академии, он член Союза писателей России, издавший более двадцати книг (причём весьма разноплановых), отмеченных несколькими всероссийскими литературными премиями, он профессор университета, проплывший на резиновой одноместной безмоторной лодке от истоков реки Самарки до её устья, он всю жизнь открывает миру своего земляка иконописца Григория Журавлёва, родившегося без рук и ног и писавшего иконы, зажав кисть зубами, он... Слово “открывает”, наверное, определяющее в Малиновском. Он действительно всю жизнь делает открытия и тут же стремится поделиться ими. Будь то открытия научные и производственные, будь – литературные или открытия в судьбах людей. И, наверное, книгу о первооткрывателях должен был написать именно он, потому что Малиновский и его герои близки по духу”.

Писано при жизни. Теперь же, после ухода Александра Малиновского, слова эти, став достоянием вечности, обретают почти сакральное значение. И, наверное, правильнее будет поговорить не столько о сюжете, литературных достоинствах книги, сколько о сути, попытавшись понять: зачем автор взялся за это, что хотел сказать? А сказать ему хотелось очень много. Ибо реквием в прозе, как и в музыке, целиком зависит от неуловимо завораживающей мелодии, интонации, что определяет результат.

Хочется верить, у Малиновского это получилось. Его “Сага” – не классический роман, но захватывает и (без сложносочинённых интриг) не отпускает. Почтище любой беллетристики мозаично-объёмная панорама реальных лиц, непридуманых судеб и живое многоголосье отзываются благодарным эхом в душе читающего. Подобный опыт хроникального реализма (или “летописи по голосам”) Малиновский уже опробовал в своей автобиографической прозе: “Дом над Волгой”, “Радостная встреча”, “В плену светоносном”, “Голоса на обочине”. Но именно в “Саге” он ещё осознанней – по максимуму – отделился от повествовательной беллетристики...

И на этот раз перед нами совсем уже далёкие голоса людей науки. Не знакомых автора и не кабинетных книжников, а уникальных учёных – бесстрашных дальнеходов, неисправимых романтиков, ставших при этом академическими тяжеловесами, основоположниками научных направлений и пионерами неоткрытых трасс. Или, говоря словами автора, “много умевших и немало вершивших не великого, но необходимого! Они жили, как умели... И радовались жизни... Так и слышится голос... Мишеля Монтеня: “Я видел на своём веку сотни ремесленников и пахарей, которые были более мудры и счастливы, чем ректоры университетов, и предположительно бы походить на этих людей”. Походить на многих первооткрывателей, о которых пишу сейчас я. Мне слышатся не только их голоса, я теперь вижу отчётливо их лица, чувствую дыхание, какой бы широченной и угрюмой ни была тайга, скрывающая их”.

До этой книги мне казалось, что последние зёрна того неудержимого и массового “порыва” геологов-романтиков давно уж осели в тучной ниве советской литературы. И более того, лет сорок-пятьдесят прошло с тех пор, как взошли блистательными колосьями в книгах Григория Федосеева, Олега Куваева, Юрия Рытхэу, Альберта Мифтахутдинова. А потом – лишь лунная позёмка и прах забвенья по выцветшей степи с пожухлыми обсевками и сонной повителью... Так нет же! Александр Малиновский решительно восстаёт, чтоб доказать: “Не может быть!” И делает книгу на свой “макар”. Не о мальках и головастиках теперешней – гашёной – зыби, а о волне первооткрывателей.

Русские волны первооткрывателей

– Массовые волны первооткрывателей в России случались трижды. Первая началась на рубеже 16–17 веков с освоения Дона, Волги, Севера и Сибири казаками Ермака, купцами Мангазеи, поморскими мореходами и знаменитыми землепроходцами Бекетовым и Москвитиним, Поярковым и Хабаровым, Атласовым и Дежнёвым. Волна эта катилась где-то до середины 17 века. Её появление объяснимо, наверное, тем, что староверы, землепашцы, ремесленники и рыбаки бежали от царских и барских поборов, от церковной кабалы и крепостной неволи, что накладывала на них Москва. Бежали в поисках лучшей доли, вольной воли и свободной земли. В 18-м и 19-м веках эти народные выплески стали единичными. Снаряжённые или поддержанные правительством экспедиции – Беринга, Беллинсгаузена, Крузенштерна, Палласа, Лепёхина, Шелихова, Резанова, Челюскина, Литке, Анжу, Врангеля, Черского, Невельского, Семёнова-Тянь-Шанского, Миклухо-Маклая, Пржевальского, – это уже не совсем то. Не столько зов вольной души. Хотя дух пионеров влёк и эти великие сердца – вперёд, к новым землям. А вот в 20-е годы XX века социальный взрыв Великой Октябрьской социалистической революции вздыбил невиданные пласты дремавших в простом народе, особенно на селе, потенциально уже готовых сил, устремив их к открытию нового. Это и была вторая, чрезвычайно концентрированная – менее 20 лет – волна первооткрывателей. Мощный вал 1920–1930-х годов мог быть обусловлен, конечно, только социальным освобождением. Бессчётные легионы “освобождённого труда” из стомиллионной деревни и городских низов, вчерашних же крестьян, сотворили всё то лучшее, что потом способствовало нашей победе в Великой Отечественной войне. При помощи оставшейся верной Отчизне интеллигенции эти пионеры создали идейно-моральные скрепы и материально-техническую базу новой державы. Следующая волна – это 60-е и 70-е годы прошлого века вплоть до начала 80-х – те, что оскорбили “застоем”. На самом деле это была третья и последняя волна героев-пассионариев, которые усилили возрождённую из пепла страну. Но, к сожалению, уже к началу 1960-х силы и соки деревни иссякли. Деревня при Хрущёве почти вся перелилась в город. А город почему-то не даёт той энергетики, которая питала и подвигала деревенских мечтателей. Наоборот, город обладает страшным свойством унифицировать, нивелировать и строить в шеренги. Так оно всё и выдохлось, захлебнулось к концу 80-х. А тут мы и идеологическую войну продули. Однако я не поверил и решил проверить, решил понять и доказать: это не так. Так не может быть... на Руси!*

* Здесь и далее слова из последнего разговора с А. С. Малиновским. 20 ноября он позвонил мне, когда я возвращался домой в автобусе, и говорил долго, сбивчиво, но при этом с неким напором, который не хотелось, да и невозможно было прервать. Это был, скорее, монолог буквально по минутам слабоющего, ужасно торопящегося человека, который хочет донести, прокричать что-то крайне важное... Я уже вышел из транспорта и слушал, слушал, всё реже вставляя успокаивающие междометия. И так где-то час с лишним. Ни сном, ни духом я не соображал, что это последний монолог писателя Малиновского, отчего-то адресованный лично мне. На следующий день узнал, что Александра Станиславовича срочно отправили в Германию – на роковую операцию. Так что теперь его предсмертные тезисы обретают иной масштаб, другой акцент. Последняя воля, писательское завещание, которое я и стараюсь максимально точно и полно воспроизвести.

Прологом к «Саге» послужила биография нашего самарского учёного-универсала **Валентина Александровича Цареградского** (1902–1990), сына дьякона из старинного села Никольское-на-Черемшане. По окончании Ленинградского горного института Валентин Цареградский участвовал в Первой геологоразведочной экспедиции на Колыму (1928–1929), после чего руководил Второй (1930–1931) и Третьей (1933–1935) Колымскими экспедициями, а в 1937–1938 годах – Индигирской экспедицией. Потом более 15 лет возглавлял Геологоразведывательное управление Дальстроя НКВД-МВД СССР. В 1948 году его дважды приглашал на приём сам Сталин. «За особые заслуги в деле промышленного освоения Дальнего Севера и обеспечение в трудных условиях военного времени успешного выполнения планов добычи редких и цветных металлов» в 1944 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. А за открытие и исследование новых месторождений золота на Северо-Востоке в 1946 году генерал-майор инженерно-технической службы В. А. Цареградский был удостоен Сталинской премии первой степени. Он составил первые обзорные геологические карты Северо-Востока, позволившие открыть множество месторождений полезных ископаемых, а в соавторстве с академиком С. С. Смирновым написал ряд важных научных работ.

Судьба выдающегося учёного и государственника, как и всей его незаурядной семьи, настолько захватила Александра Малиновского, что он углубил свои изыскания, подстёгнутые невежеством равнодушием нынешних инженеров «политеха»: «... В группах студентов, среди будущих нефтяников, механиков, нефтехимиков не оказалось знающих что-либо о замечательных выпускниках Цареградских. Ничего, говорил я себе, не в первый раз такое. Ведь на мои вопросы: «Кто такой Гарин-Михайловский? Что они знают о селе Гундоровке? Что знают о другом нашем земляке, известном писателе, который написал сказку «Аленький цветочек»?» – студенты отвечают чаще всего, только заглянув в компьютеры. Подумал: «Вина здесь не столько их. Корни её в нас, во взрослых, больше всего. Они дети перестроечных 90-х годов. Занятые выживанием, мы не дали им того, что надо было... Стране же сейчас необходимы созидатели. Во всех сферах нашей жизни. Такие, как В. А. Цареградский, И. М. Губкин, В. Г. Шухов, Н. К. Байбаков, В. И. Муравленко и другие. Инженеры своими талантами всегда крепили основы нашей страны. России нужны люди, объединяющие свой народ. И их мы должны знать!»

К слову, сам создатель «Саги» регулярно возникает в авторских отступлениях, комментирует дубль-ситуации, но только тогда, когда не может удержаться, ведь он – из той же породы. Это сейчас всё и вся поразил вирус «комфорт-конформизма», множащий ряды изнеженных профанаторов и имитаторов. Породу первооткрывателей собирал и цементировал негласный девиз: **«Мне интересно, я не устаю удивляться и хочу делать это всю жизнь»**. Отсюда и стиль: факт и только факт, поскольку именно «его величество факт – вещь в жизни часто фантастическая! Особенно когда человек сталкивается с неизведанным. Мне интересен человек не придуманный, а живой, конкретный»...

Карта залежей и судеб

– **Моя сага – это не кельтское сказание о героях-небожителях. Менее всего сегодня я расположен к сказительству. Мне больше по сердцу неспешная дума-размышление о самых обыкновенных людях, по некоей причине поднявшихся во весь рост, заглянувших за тучи и увидевших звёзды, так и ставших героями. Это, вместе с тем, и документально-художественное осмысление нерасторжимой связи прошлого/настоящего, но сквозь призму авторского опыта. Рассуждая о мною и не мною прожитом, я включаю авторский подстрочник, приглашая читателя к диалогу на равных. Только в таком контексте можно пробудить его интерес, сделать книгу работающей на самые разные аудитории. Это, так сказать, мировоззренческая программа-максимум. Есть и сугубо литературно-прикладная программа-минимум, возникающая из авторской мечты «возродить престиж инженера», помочь молодому осмыслить значение жизни отдельного человека в судьбе своей страны, «заразить» его собственными побудительными мотивами. А из них главный: удивление перед выплеском, высверком созидательной энергии первооткрывателей.**

Ведь почему я с такой любовью писал об этих людях? Да потому что Цареградский – это копия моего дяди. И наша деревня Утёвка всегда была полна таких самородков. Поначалу я недоумевал: откуда они берутся? Потом понял: да веками он накапливался, вот этот потенциал. Сельская община ковала этих людей, которые, пребывая веками во тьме невежества, от природы были талантливы, любознательны и при любой возможности искали место для выброса своей энергии. Они всегда мечтали узнать, найти, получить ответ на вопрос, открыть что-то новое. Эти импульсы и толкали их сначала покорять университеты, а потом – неведомые просторы Вселенной. Или вот мой дедушка. Он абсолютно, даже чисто внешне был похож на того же Степана Дуракова – скромнейшего, немногословного героя экспедиций Билибина и Цареградского. Вопрос: почему я взялся за эту форму? Перед нами не столько художественное произведение, сколько биографически-документальная, что ли, хроника... даже не хроника, а некая мозаика фактов и портретов. Казалось бы, тут сама тема столь благодатна, что я мог замахнуться на пятитомную эпопею, полную приключений и интриг. Не стал, и теперь рискну вступить в спор с моими коллегами – сторонниками классических форм, писанных законов жанра. А я против. Почему? Дело в том, что, преподавая в Самарском техническом университете, вот уже 20 лет я наблюдаю за современными студентами и вижу: они всё скептически относятся к литературе завиральной, высосанным из пальца героям, даже если эти герои реальны и списаны как бы с живого прообраза, даже носят историческое имя. Студент думает: вот писатель, он лет на 10 старше меня, накропал чего-то там по неким литературным формулам: завязка, кульминация, развязка. Уверен: уже из-за этих навязанных нам классических законов и правил студент не верит такому продукту. Жизнь – то другая. Зато, видя строго написанную книгу про конкретных людей, он понимает: этот писатель не врёт, он всё строит на живых свидетельствах и проверенных источниках. А значит, не уходит от правды, не пытается заморочить мне голову своими придумками, навязать свою мудрость. Так с годами я всё больше склонялся к мысли, что надо писать не сюжетные вещи, а правду. Последние мои книги сделаны именно в таком ключе. И построение их придерживается такой концепции: вырванные из жизни правдивые голоса, то хор, то соло, то а капелла. В “Саге о первооткрывателях” я сделал этот приём центровым.

На несколько лет инженер и профессор погрузился в архивы. Подобно записному старателю слова и добытчику факта, перерывая горы “пустой породы”, он скрупулёзно намывал золотые крупинки будущих самородных глыб-судеб героев своей последней “Саги”. Большую помощь в этой работе ему оказали земляки Цареградского Жамиля Кульчунова и Эмис Булатов. Скоро к поискам удалось подключить других родственников замечательного геолога: родовые цепочки и “их величества факты” потянулись со всех концов страны. Точно драгоценная карта, книга обрастала бриллиантовой вязью судеб. Среди её героев:

Юрий Янович Розенфельд (1874–1940). Эстонский геолог и первый колымский дореволюционный золотоискатель. Автор записки “Поиски и эксплуатация горных богатств Охотско-Колымского края”, вдохновившей целое поколение учёных и золотодобытчиков, в том числе организаторов Первой Колымской экспедиции. Отсидев 4 года (1935–1939) по обвинению в “мистификации и злостной утайке “богатого” Гореловского золоторудного месторождения”, он был досрочно освобождён, но в 1940 году найден убитым на 403-м км Колымской трассы;

Анатолий Капитонович Болдырев (1883–1946). Доктор геолого-минералогических наук, ведущий российский учёный-минералог. Основатель Фёдоровского института кристаллографии, минералогии и петрографии. Наставник Ю. А. Билибина, В. А. Цареградского, Д. В. Вознесенского. Осуждённый в 1939 году по доносу завистника на 5 лет и сосланный на Колыму, работал на строительстве Усть-Тасканской электростанции и в системе геологоразведочного управления Дальстроя. “Рыл котлованы и писал статьи”, а “похода” заложил основы для сводных работ по обобщению материалов многолетнего геологического изучения Северо-Востока, составил бесценный “Каталог минералов

Северо-Востока СССР” и подсчитал мировые запасы золотых месторождений. Во время выездной комиссии АН СССР его доклад и научный подвиг привели в восторг самого В. И. Вернадского, рекомендовавшего его в АН, но профессор Болдырев трагически-нелепо погиб во время командировки;

Александр Павлович Серебровский (1884–1938). Начальник Главного управления по цветным металлам, золоту и платине ВСНХ СССР (“Главзолото”). Заместитель наркома тяжёлой промышленности (1931–1937) и организатор советской промышленной золотодобычи;

Эдуард Петрович Берзин (Берзинь, 1894–1938). Знаменитый латышский революционер, виднейший чекист, подавивший левозероверский мятеж в Москве и раскрывший заговор Локкарта, крупный хозяйственник, директор великолепно отлаженного треста “Дальстрой” (Колымлаг), куда мечтали попасть эски других “островов ГУЛага”. Основатель Магадана, колымского аграрного сектора и 600-километровой Колымской трассы, его человеческие и организаторские качества высоко ценил Варлам Шаламов;

Сергей Дмитриевич Раковский (1899–1962). Прораб 1-й и замначальника 2-й Колымской экспедиций, один из первооткрывателей золотоносных районов Севера, организатор геологической службы и горнодобывающей промышленности на Северо-Востоке СССР, лауреат Сталинской премии 1 степени;

Владимир Иванович Серпухов (1899–1977). Выдающийся геолог-теоретик и самоотверженный полевой практик. В конце 1930-х годов с товарищем в невыносимых условиях голода и стужи месяцами исследовал тундру, сам себе ампутировал отмороженный палец (позже отняли заражённую гангреной ногу). Профессор Горного института;

Вольдемар Петрович Бертин (1888–1964). Первооткрыватель Алданского золотоносного района, блестящий старатель, глава трудовой артели, начальник экспедиций “Союззолото” на Чукотку (1928) и Дервенской в Таджикистане (1949), директор золотых приисков и контор “Золоторазведки” (Якутской, Забайкальской);

Эрнест Петрович Бертин. Брат Вольдемара, прораб Эльконской партии в составе Первой Колымской экспедиции, “душа компании”;

Степан Степанович Дураков. Искусный промывальщик, плотник, лоцман-плотогон, мастер на все руки, герой Первой Колымской экспедиции;

Макар Захарович Мёдов. Отважный якут-проводник Первой Колымской экспедиции, советский “Дерсу Узала”, не убоавшийся “чёрной метки”: “Покойник будешь!” – от Элекчанского родового совета, где главенствовали старорежимные тунгусские князьки.

И далее: Вронский, Вознесенский, Казанли, Рабинович... Судьба каждого и каждой достойны хорошей книги и первоклассного сериала...

“Оплаченный вексель Билибина”

Ну, а увенчал “карту Малиновского” бриллиант по имени **Юрий Александрович Билибин** (1901–1952) – тот самый, чьим именем названы город на “моей детской карте”, а также первая советская АЭС на Крайнем Севере. Могучая фигура Билибина, приравненного к величайшим корифеям советской науки, до сих пор мало изучена и, тем более, изображена во всём блеске и изобилии талантов. Ну, разве что – россыпь оцифрованных крупинок на Северных сайтах, как, например, опубликованная аккурат к 50-летию Первой Колымской экспедиции (1928–1929) Магаданским книжным издательством занимательная повесть **Германа Волкова “Вексель Билибина”** (1978), через 6 лет переизданная под заголовком **“Золотая Колыма”**. Плюс ей же посвящённая книга **Евгения Устиева “У истоков Золотой реки”** (Москва, 1976).

И вот ровно 40 лет спустя самарец Александр Малиновский взялся по новой воссоздать масштабный образ Юрия Билибина во всей полноте его неординарной личности. Так кем же он был, этот атлет и интеллектуал, искатель и учёный, боец и наставник, аристократ и трудяга?

Потомственный дворянин, сын полковника царской армии, Юрий Билибин в детстве учился в самарском реальном училище, вместе с отцом добровольно до 1921 года служил у красных в штабе 16-й армии. Демобилизовавшись, решил посвятить себя геологии. В стенах Петроградского горного института звезда фортуны и свела двух “перспективных” студентов: Валентина Цареградского и Юрия Билибина:

“У Билибина уже тогда были выражены не только задатки учёного, но и истинного философа с огромной внутренней интуицией... Подрабатывал, как и Цареградский, грузчиком в порту, который был рядом с институтом, расчищал снег на трамвайных путях Васильевского острова. Как это знакомо. Нам, ребятам выпуска 60-х годов политехнического института в Куйбышеве, часто приходилось разгружать баржи на Волге, вагоны на железнодорожном вокзале, лопатить земельные участки вдоль Волги на дачах и в пионерских лагерях. Но мы получали стипендию, не платили за обучение, плюс почти бесплатное место в общежитии. Другое дело — Юрий Билибин. Он дважды обращался к руководству института с единственной просьбой: “Вносить плату за обучение я не в состоянии. Не имея никакого постоянного заработка, я сейчас живу только тем, что мне удалось заработать осенью в порту, употребив на это полтора учебных месяца. Рассчитывать на поддержку из дому не могу, так как отец, член профсоюза транспортников, получает весьма ограниченное жалование, содержит на своём иждивении мою сестру и мать”. На прошение легла суровая резолюция: “Оставить в силе прежнее постановление”...

Но... “Есть только миг между прошлым и будущим...” Строки из всеми любимой песни к кинофильму “**Земля Санникова**”. Не поверите, но многих героев книги Малиновского этим “мигом” на всю оставшуюся жизнь “пленит” автор “Земли Санникова”, настольной книги первооткрывателей, великий геолог Владимир Обручев, а затем и его не менее славный сын: “Их легко воспламенявшееся воображение было однажды поражено интересным докладом **Сергея Владимировича Обручева**, который только что возвратился из длительного путешествия в бассейн Индигирки и привёз оттуда массу новых геологических и географических сведений, — пишет Евгений Устиев. — “Послушай, Юра, — воскликнул после обручевского доклада Валентин, — ведь это новая Америка! Там можно ждать чего угодно!”

Будущий академик **Владимир Афанасьевич Обручев**, на ту пору консультировавший трест “Алданзолото”, и порекомендовал своего выпускника Юру Билибина на Алдан “геологом с явными задатками разработчика научных методов поисков золотых месторождений”. Автор “Плутонии” не ошибся. Очень скоро Алдан, Индигирка и Колыма навеки свяжут судьбы Билибина и Цареградского. Это случится во время Первой Колымской экспедиции (1928–1929), которая докажет повышенную золотоносность Колымского региона. А золото на тот момент для Страны Советов означало не меньше, чем воздух. Станки, заводы, хлеб и кадры — всё это имело общий синоним: “золото”.

Головокружительная эпопея последовавших одна за другой геологических экспедиций и открытий для тесных рамок нашего повествования неподъёмна. Важен результат. Имя ему — Золото Колымы, плюс новый город Магадан. Авторы результата — Билибин и Цареградский, их верные друзья и сподвижники.

Вот лишь избранные пункты той золотоискательской “одиссеи”: Самара, Москва, Ленинград, Владивосток, Ола, Оймякон, Нагаево (Магадан). А ведь самолётов ещё не было! До Владивостока — недели тряски в вагонах, чтоб вовремя успеть на паром до бухты Нагаево. А там на собачьих упряжках, на лошадах и на плоту — сотни верст по бешеным рекам или лютому морозу. То же самое обратно. Был случай, когда “дезертировавшая” со сплава лайка закошмарила весь посёлок с Управлением: это всё, что осталось от экспедиции!

Как и водится в этом мире, Билибин, на десятилетия опередивший современников в своих прогнозах и новаторских методах полевых работ, едва не поплатился за это карьерой и даже жизнью. Это сейчас золото Колымы — аксиома и, кажется, вечная данность. Билибину свою правду приходилось отстаивать научно на фоне дремучего невежества кондовых старателей и зашустрых бюрократов, строгой теории предпочитавших мифы и побасёнки. О золоте Колымы много говорили, но мало кто мог похвастать хотя бы золотинкой. В таких условиях Билибину приходилось снаряжать Вторую экспедицию на Колыму, которую ему в итоге так и не доверили: “Разруха, нанесённая гражданской войной, последствия экономической блокады Советского Союза, предстоящая индустриализация требовали огромных затрат. И в этих условиях были выделены значительные средства на экспедицию (2 миллиона рублей). Было о чём думать и волноваться 28-летнему геологу... Лишь когда о плане Билибина узнал Молотов, всё изменилось. В ноябре 1931 года для промышленного освоения Северо-Востока страны был создан государственный трест “Дальстрой”... В начале 1932 года Ю. А. Билибин был назначен

главным геологом треста “Дальстрой”. Как отмечал в своё время Ю. А. Билибин, создание “Дальстрой” – решающий момент в истории развития всего Охотского побережья, включая Колымские прииски. Трест дал толчок развитию и Нагаевской бухты, и более удалённым пунктам на побережье. . .

Уже в 1932 году “Дальстрой” добыл 511 килограммов химически чистого золота, в 1933 году – 791 кг. В 1935-м – 14,458 тонны, в 1936-м – 33,360 тонны. В 1936 году Колыма практически догонит один из самых продуктивных золотоносных районов Америки – Калифорнию. Иосиф Сталин 25 декабря 1933 года в интервью газете “Нью-Йорк таймс” отмечал: “Наша продукция уже вдвое превышает продукцию царского времени и даёт сейчас более 100 миллионов рублей в год. Особенно за последние два года мы улучшили методы геологоразведочной работы и нашли большие запасы золота”. В 1936 году газета “Правда” привела высказывание Э. П. Берзина о том, что за день Колыма добывает столько золота, что на эти деньги можно прокормить один день целый мир”.

Более всего радовало, что, в отличие от других золотодобывающих предприятий, “Дальстрой” не входил в структуру “Главзолота”, а подчинялся непосредственному руководству СССР, что давало и льготы, и чрезвычайные полномочия, в том числе на использование труда заключённых. А это был не самый дружелюбный контингент: в июле 1935 года сбежавшие зеки из Тасканского горнопромышленного района убили инженера-геолога поисковой партии Зверева и, ограбив продовольственную базу, скрылись в тайге. Остаться без продуктов на безлюдных просторах Колымы в те годы означало почти гарантированную смерть от голода.

Но стужа и цинга, зеки и звери – ничто в сравнении с косностью коллег и, тем более, безбашенностью руководства. Слово Билибину: “Правда, осваивать Колыму было трудно, но суть всё-таки заключалась не в этом, а в полном неумении руководителей снабжения организовать своё дело, в их абсолютном незнании условий тайги, в полной беспомощности и растерянности во всех затруднительных случаях. Достаточно сказать, что за две зимы 1931–<19>32 г<одов> и 1932–<19>33 г<одов> в транспорте, обслуживавшем снабжение приисков, пало свыше 2 000 коней. Все отрасли приискового хозяйства – и эксплуатация, и разведка, и особенно геолого-поисковые работы – неизменно были остро недоснабжены”.

Сосредоточению работ на потенциально-золотоносных участках, гениально предугаданных и определённых Билибиным, изрядно мешали ненаучные, подчас мифические слухи о так называемом “золоте казачьего пятидесятника Попова”. Билибин с его уникальной научной интуицией сходу их опроверг. Однако “подход академика” жёлко высмеивали, по старинке предпочитая ему “старательское чутьё” и слепую веру в удачу. Это крайне дезориентировало людей и затягивало дело. Разумеется, “блеф Попова” будет разоблачён: казачий пятидесятник спугнул золото с пиритом. . .

Но как же геологу да без её “благородия, госпожи удачи”? Когда уже казалось, что экспедиция вернётся с весьма скромными результатами, фортуна улыбнулась ей шире, чем героям Хаггарда и Буссенара:

“Цареградский взял полотенце и вышел из палатки, стоявшей на галечной террасе с редкими кустами стланика и ивняка. Пробравшись через линию кустов, оказался на подмытом зеленоватым речным потоком крутом берегу Среднекана. . . Он спустился к воде и разделся по поясу. . . Одеваясь, повернулся к лиственнице и увидел меж валунов ещё дореволюционную фунтовую банку из-под какао. На фирменном ярлыке значилось: “Какао Эйнем”. . . Смешанное чувство владело геологом. Он уже наверняка знал, что нашёл. В истлевшем мешочке весом не менее трёх килограммов, уплотнившись, лежало золото. И в таком количестве, какое пока экспедиция не находила. . . Его величество случай перекрыл все достижения экспедиции за сезон”.

Итоги Третьей Верхне-Колымской экспедиции превзошли все ожидания и прогнозы: помимо золота, на правобережье Колымы были обнаружены богатые залежи угля и меди. Наконец, везунчик Цареградский открыл для всех и минеральный источник, донине питающий всесоюзную здравницу – бальнео-грязевый курорт “Талая”. Между прочим, автор этих строк ровно 40 лет назад целый месяц вкушал там целительную-талую водицу.

“Ю. А. Билибина и В. А. Цареградского порой упрекали, что трест “Дальстрой” – не Академия наук и прочее, что нужны не теоретические изыскания и умопостроения, а реальные открытия. Но в итоге всё равно оказывалось,

что практическая сторона дела — открытие месторождений — находится в прямой связи с познанием геологии края. Собранный Верхне-Колымской экспедицией материал позволил разрешить важный и принципиальный вопрос: какую структуру представляет из себя территория”.

Однако и “кистень” старательской рутини так просто не собьёшь. А тут ещё “вумные” и сильно опередившие эпоху билибинские проекты “требовали значительных затрат и времени. А этого-то у “Дальстроя” как раз и не было. Был спущен план добычи золота по годам. Этот план мог быть выполнен на основе разработки именно рудного золота. Руководство “Дальстроя” стало недоверчиво относиться к прогнозам Ю. А. Билибина, как к журавлю в небе... В 1933 году Ю. А. Билибина отстраняют от должности главного геолога. По Магадану пошли слухи об ордере на арест Билибина... И жилья ему, вернувшись из тайги, в Магадане не предусмотрели — пришлось ютиться у Д. В. Вознесенского... Он оказался не у дел... По городу одиноко шёл человек, у которого не было собственного ночлега, человек, имя которого через несколько лет узнает огромная часть отечественного научного сообщества. В его труде “Основы геологии россыпей” впервые в мировой практике всесторонне будут освещены геологические особенности россыпных месторождений золота. Перед отъездом из Магадана Ю. Билибин дополнил своё заключение о запасах россыпного золота. Он указал в нём размеры добычи его по годам на десятилетие вперёд. Однако признание этого заключения и прогноза наступит только через три года, в 1936-м. Вопреки ожиданиям руководства “Дальстроя”, план добычи россыпного золота будет перевыполнен вдвое, и добыча его достигнет той величины, которая была намечена прозорливым учёным... Правота и прозорливость Ю. Билибина стали настолько очевидны, что на организованной по инициативе С. С. Смирнова Первой геологической конференции в Магадане (1936), в отсутствие Ю. Билибина, Э. П. Берзин вынужден был в своём публичном выступлении признать, что “вексель Билибина, выданный государству, полностью оплачен”. Фраза Э. П. Берзина — “оплаченный вексель Билибина” — вошла в историю освоения Колымы”.

Но это три года спустя, а тогда — в 1933-м — Юрий Александрович просто крепко напился в кругу товарищей и послал “по матушке раззатакую власть”. К счастью, свои не сдали, и “опальный” первооткрыватель золота Колымы в сиротливом одиночестве убыл в Ленинград, что, очень может быть, избавило его от участи старших товарищей Берзина и Серебровского (оба были расстреляны в 1938-м). Яркие деятели той сложной эпохи, они были сотканы из противоречий, обусловленных безжалостной кройкой по имени Революция.

Оставшиеся годы Билибин целиком посвятит большой науке, где откроет целое научное направление — региональную металлогению — и детально разрабатает вопросы образования россыпных месторождений золота. В годы Великой Отечественной войны Юрий Билибин защитит докторскую диссертацию (1944). Впрочем, академическое поприще немногим отличалось от диких просторов Севера. Скорее, наоборот. Вот как сам учёный характеризовал обстановку на “фронтах большой науки”:

“В отношении академиков занимаюсь тем же, чем и Вы на Колыме, — воюю. В последние годы я успешно занимаюсь разработкой вопросов металлогении, но не отвлечёнными вопросами, не бесплодным теоретизированием в стиле наших академиков, а сугубо насущными вопросами” (1949).

Его громадный вклад в открытие золотonosных районов на Северо-Востоке СССР уже отмечен Сталинской премией СССР (1946). В том же году Билибина избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. А ещё через 5 лет случится роковой инсульт, который осиротит Отчизну на одного академика, которым Билибин стопроцентно стал бы в ближайшие годы. Не сломленный Колымскою стихией витязь науки не выдержал укусов “столичных комаров”: “Беда наших крупных учёных-геологов в том, что, попав в академики (а некоторые — только в членкоры), они тотчас уходят на покой, перестают работать или, в лучшем случае, работая потихоньку сами, перестают быть научными руководителями крупных коллективов геологов. Совершенно естественно, что они не могут приветствовать моё вторжение в их мирную жизнь, так как мои рабочие гипотезы, мои прогнозы накладывают определённые обязательства и на них, зовут их из “тыла науки” на “передовую линию фронта”... Выступая сами против моих концепций и прогнозов, они мобилизуют и всякую мелкую сволочь”.

Всё это, сказанное 70 лет назад, как никогда актуально. И не только для баталий... научных. Тот же Александр Малиновский всю жизнь “оставался на острие”: в науке, в производстве, в литературе.

Жизнь геолога – отпечаток на граните

– Многие могут сказать, что вот, мол, Малиновский на старости лет изменил своему призванию писать о деревне, ударившись в сагу об инженерах, геологах-технарях. Да нет же, я сам инженер, профессор, автор 26 изобретений, не имеющих аналогов в мире. Да, родом я из села Утёвка, душой – простой крестьянин, по складу был и есть деревенский мужик. Когда полвека назад я поступил в Куйбышевский “политех”, один весь такой лощёненький однокашник обозвал меня крестьянином. Я ему тут же врезал. Не за то, что мне было обидно звание “крестьянин”, я им горжусь. А за то его пренебрежение к великому сословию крестьянскому, которое на протяжении тысячелетий кормило Русь, вынося на своём горбу тяготы самых страшных войн и нашествий, даруя ей лучших сынов в науке, мысли, слове – русской культуре. Так вот, я настаиваю: “Деревенщики в литературе – это хорошо. Но нельзя всю жизнь вариться в собственном соку. Без инженерного рывка, без технического прогресса, без средств связи деревенская Русь закиснет, не сумеет ответить на вызовы времени. Без современных военных сил, новейших коммуникаций, передовой медицины не овладеет обороняться – противостоять отменно вооружённым недругам. Поэтому мой роман – это гимн инженерной мысли, подвигу геологов – самоотверженных первооткрывателей”. Только в прочном сплаве лучших представителей деревни, городских трудящихся, учёных, военных, врачей, через их волю и силу выстоит Россия. А это возможно при созидательной идее, которая увлечёт к новым высотам, дальним горизонтам. Развитие всегда требует новых идей и людей, новых целей и стимулов для будущих продолжателей – пассионарных личностей. Сейчас у нас ничего этого нет, вот потенциальные пассионарии и прозябают в одиночестве, чаще всего даже не догадываясь о своём предназначении. Сегодня весь ассортимент статусных, востребованных профессий напрочь исключает романтику. На виду банкиры, финансисты, клерки, программисты, юристы, менеджеры, пожизненные депутаты – “белые воротнички”. При этом до верхушки айсберга большинству никогда не дотянуться. А значит, остаётся что? Правильно, “офисный планктон”. Какие тут могут быть дальние горизонты и высоты мысли? Вместо человеческих качеств в цене то, что называется “отрицательный отбор”. Робкий серый отстой царствует всюду – во власти, в культуре, в мысли и в слове. Горький вопрос: так отчего угас могучий запал пионеров 1920–1930-х, да и позднейшей генерации конца 1960 – начала 1980-х? Всё дело – в замесе чистой, здоровой, земной и солнечной энергии интеллектуального пробуждения. Веками копясь на селе, в общине, она переполняла его и редко взрывалась ползуновско-ломосовскими протуберанцами или коллективной боевой смекалкой, как в Отечественную войну 1812 года, когда барские колодки на время оттели прочь. Стягиваемый в веках сословно-местническими цепями, после революций 1917 года освобождённый космос крестьянской России жадно потянулся к знаниям, открытиям, вершинам, засверкал бесконечной лавой самородков...

“Держись, геолог”... Популярная “оттепельная” песенка в исполнении Ирины Бржевской породила “жанровый набор” представлений о профессии геолога: рюкзак, ружьё, палатка, байдарка, костёр, ну, и чуток “палящего солнца и нещадного ветра”...

Что ж, прикоснитесь к теневой стороне геологического житья 1920–1930-х. Владимир Серпухов, тот самый, что ампутировал себе отмороженный палец: “Бродить весной и осенью (март, апрель, май, июнь и октябрь) по колону в снегу, а коротким летом – по колону в воде или по каменной россыпи, по кручам и всё время с двухпудовой ношей на спине – больше чем тяжело!.. Мне не верится сейчас, что я и Бойков были способны на это... Нами исследована площадь в 30 000 квадратных километров. Это значит, что каждый из

нас прошёл пешком во время полевых работ на Чукотском полуострове с двух-пудовой ношей за плечами около 6 000 километров, то есть расстояние от Москвы до Иркутска. . . За время нашего пребывания на Чукотском полуострове мы на полярной станции пробыли всего около двух с половиной месяцев. Остальное время были в тундре. И всё это время мы впроголодь питались пресными лепёшками и чаем”.

Работа Серпухова “заинтересовала Сталина, и он потребовал отчёт об экспедиции. Прочитав отчёт, он вызвал Володю к себе и спросил: “Почему вы пишете только о себе и своём прорабе? Были же у вас рабочие, назовите их!” Володя ответил: “Серпухов и Бойков”. Сталин спросил: “Что же, и шурфы вы копали сами?” Володя ответил: “Сами””.

У геологов даже любовь тесно переплетается с разлукой, а то и гибелью любимому. Пропадали всяко, бывало, и по дури: “Прибывший на смену дежурившему ночью охраннику Пожарову его сменивший Поедавших повёл себя необычно. Подойдя к Пожарову, он спросил, не было ли каких происшествий во время дежурства. “Нет, не было”, – ответил тот. И тут Михаил Поедавших неожиданно, видимо, желая подзадорить товарища, спросил: “Что бы ты сделал, если бы к тебе бесшумно подошёл незнакомый человек? – Окликнул бы, скомандовал: “Ложись!” Позвал бы второго дежурного, мы бы его обыскали, связали до утра. – А если бы вместо того, чтобы лечь, он бросился на тебя, оглушил палкой или камнем? Ты бы ни прицелился, ни выстрелить не успел?! – Ещё как бы успел!” . . . И тут Поедавших, стараясь выбить веслом из рук дежурного винтовку, бросился на него. Пожаров передёрнул затвор и, не прицеливаясь, нажал на спуск. Нападавший, оседая, свалился замертво в траву”.

Гибли и от злодейской руки, но что особенно обидно – за просто так: “Осенью Катюша с нетерпением ждала возвращения Коли. Однажды она пришла встревоженная в мою комнату и сказала, что почему-то погиб цветок, цикламен, подаренный ей Колей в день свадьбы. . . Коля не вернулся. Его и его коллектора убили в тайге два уголовника, недавно вышедшие из тюрьмы, убили из-за денег, которые он должен был получить на прииске. Денег для расчётов работников всей партии на этом прииске он не получал”.

Такие свидетельские факты и дневниковые строки – “как отпечаток на граните”, полагает Малиновский. Кто-то цинично хмыкнет: “А вы как хотели? Колыма же, известное дело” . . . Ан, нет! Время было другое, и народ не нашего замесу: “Не знали местные жители и воровства. Если хозяин уходил или уезжал на время, то просто снаружи подпирал дверь палкой, давая знать: дома никого нет. . . Ещё во время Первой Колымской экспедиции был такой случай. При перевозке грузов ослабли олени. Геологам пришлось оставить груз с продовольствием в тайге. Этим же маршрутом проезжал позднее местный оленевод-охотник, у которого закончились припасы. Он взял из импровизированного склада немного муки. Уезжая, затесал дерево, сделал расщеп, вставил щепу в виде указателя-стрелки в сторону своей юрты. Прошло время, к геологам в барак пришёл эвенк узнать, почему никто не пришёл к нему в чум по указанному знаку? А так как муки у него нет, привёз взамен оленьё мясо и рыбу. . . И в моей Утёвке многие жители поступали подобным образом. Так делала и моя мама. Замок был. Но обычно он висел сам по себе рядом на стене. А на собаку петлю набрасывали без него. Так было до 60-х годов. . . Пришло разбойное время 90-х. В сёлах начали грабить всё, что можно. Родители мои не дожили до таких дней, когда я в городе поменял деревянную тощенькую входную дверь на железную, аж с двумя замками”.

Золото и “самородки”: “Моцарт и Аксаков русской геологии”

Универсальность личности Билибина, как и его друзей-единомышленников, камня на камне не оставляет от “диспута”, противопоставившего физиков лирикам. “Диспут” навязали “шестидесятники”, что зафиксировали фильмы Шукшина и Хуциева, где “уточненные интеллектуалы” – будущие “нувориши бомонда” – потешались над “картошкой”, над “колхозанами”, “дерёвней” вообще.

Генерации Цареградских и Билибиных такое пренебрежение было чуждо, при всём благодостии их происхождения. Каждый участник экспедиции, будь то якут Мёдов или еврейка Рабинович, ценили товарища не за род, а за дар. А даров у искателей золота были “жилы и россыпи”. Каждый был самородком. У писателя Малиновского ни разу не возникло нужды придумывать какие-то

изящные сравнения. Всё сделали сами герои. Наверное, поэтому «Сага» пестрит живописными фрагментами из дневников геологов, чему не стоит удивляться. Любой участник экспедиции Билибина-Цареградского брал с собой по 2–3 книги: изучал теорию на ходу и... на основе практики! Не потому ли, невзирая на разность фамильных корешков, все они были настоящими эрудитами, наизусть читали сотни стихов? Так, в колымской глуши, веселя и разнообразя рутинный быт местных добытчиков, неожиданно раскрывались и цвели талантливые самородки!

В глухом посёлке Усть-Нера с появлением геологов возник даже малый симфонический оркестр, который моментально поддержали не менее приличные вокалисты. Аж целая группа! А на вчера ещё угрюмых берегах Индигирки вдруг зазвучали меццо-сопрано **Анны Петровны Раковской** с колоратурным сопрано врача **Клавдии Фёдоровны Камальян**. И пролился божественный мелос: «Патетическая соната» Бетховена, «Времена года» Чайковского, «Я по-настоящему чудное мгновение» и «Жаворонок» Глинки... Григ, Моцарт, Бизе, Гуно... «И это в суровой обстановке, когда жили и трудились индигирцы по законам военного времени. Когда наряду с изношенной землеройной техникой широко использовался ручной труд заключённых...»

Характерно, что такие вот творческие выходные летом устраивали строго в непогожие дни, когда нормально работать на земле было просто невозможно. В такие часы, помимо песен и танцев, первооткрыватели искрили юмором, экспромтами и бенефисами. А генератором был опять же Билибин. Вокруг начальника формировалась «могучая кучка» исследователей Северо-Востока и... художников-артистов. **Мария Цареградская** декламировала свои стихи. Лирика зажигала сердца. Не только на работу. Именно в экспедициях многие находили и вторую свою «половинку». Так оно и потянулось по всей Колыме. Билибинский задел, он же завет — **«труд, творчество и смех»** — стал традицией колымских геологов.

Разумеется, дирижёрский и режиссёрский тон задавали лидеры компании: «Если Билибина друзья и коллеги называли «Золотым Моцартом», то Цареградского, с его внешней сдержанностью, некоторой отстранённостью, безусловно, скрывающими натуру богатую, разностороннюю, тонко чувствующую звуки, краски и запахи окружающей жизненной стихии, можно назвать Сергеем Аксаковым в геологии». Вот отрывки из дневника (или всё-таки «путевой прозы»?) руководителя Верхне-Колымской экспедиции (1933–1935):

«Поднялось и начало пригревать солнце. Неожиданно в синеве неба я увидел высоко и плавно парящего беркута. В пронизывающих лучах солнца крылья птицы становились золотисто-коричневыми. Его внезапное появление на фоне пустынного неба было столь неожиданным и так поразило меня, что я остановил лошадь и некоторое время следил за его парением. Широко распахнутые крылья его были почти неподвижны и лишь слегка кренились при поворотах внутрь плавного круга. Он то взмывал ввысь, подхваченный восходящим потоком воздуха, то опускался к вершинам деревьев, высматривая на полянах добычу. Полёт был необычайно красивым, лёгким, и потому, как в детстве, невольно возникала зависть: «А почему мы не умеем летать? Как легко и быстро можно было бы сейчас облететь все окрестности, высмотреть все обнажения горных пород, опуститься, где нужно, обследовать и спокойно вернуться в бухту Нагаева...»

Наконец, в разрывах посветлевших туч засияла голубизна ясного неба, на востоке, как через зашторенное окно, просвечивало солнце, готовое вот-вот брызнуть лучами и растопить остатки снега. Воздух благоухал пряным настоем разнолистной зелени, разогретой коры деревьев и оттаивающей земли. Распахнув широко полотнища палаток, мы высыпали на простор, любящую преобразившейся природой. Азартно щebetали и пели свои нехитрые песенки синицы и прилетевшие с юга зяблики. Рьяно токовали на полянах петушки куропаток, успевшие сменить свой снежно-белый зимний наряд на серо-коричневый, в мелких крапинках, соответствующий окраске горных склонов. На косах и островах Бахапчи оживлённо посвистывали кулички. Утки почти исчезли: пролётные улетели на север, местные уже гнездились и, прячась в зарослях, высиживали утят. Теперь солнце всходило всё раньше и всё позже, и медленнее опускалось к горизонту. Наступили белые ночи».

А вот с дураками боролись на остром языке сатиры, мастером которой был, конечно же, Юрий Билибин. Во время оно его понизили в «техзамы»

начальника Среднеканской базы – редкостного тупаря и буквоеда по фамилии Шур. Сему “уникуму” и бывшему дамскому парикмахеру посвящались сотни эпиграмм: “Как-то Билибин за один вечер начертал на большом листе писчей бумаги 110 рифм на имя Шур, они в дальнейшем широко были использованы основными творцами “Шуриады”. Ю. Билибин увлекал всех своим азартом. Отложит в сторону рукописи “Геологии россыпей” и даст азартную команду: “Все в волейбол!” В. Вронская пишет: “Можете себе представить, каково было Билибину – при его-то самолюбии! – находиться в административной зависимости от этого субъекта? Ведь вся организация экспедиции исходила от Билибина, но формально каждую свою заявку он должен был согласовывать с Шуром – с доступным тому размахом “дамского портного”... Билибин (ещё во Владивостоке, перед отплытием на север, в Нагаево) наметил покупку лошадей и перевозку их на место пароходом (мы ехали грузовым пароходом). Шуру представлялось это неоправданным расходом, и он предлагал перегонять лошадей по льду, когда замёрзнет Охотское море... Раз в неделю в один из выходных дней (вечером) все, вместе с Билибиным, проводили время в коллективных играх. Билибин был неистощим на выдумку. Заражал всех своей детскостью, изобретательностью. Мерились силой (Билибина одолеть не мог никто. – В. П.), разгорячённые вываливались на мороз, в снег. Часто организовывали музыкальные вечера. Пели. Такие вечера всем очень нравились. Каждый вечер геологи собирались в коллекторной (в большом бараке). Это насторожило бдительное око начальника базы... Однажды к нам в барак прибыл Шур (необычное явление!) и вежливо осведомился, можно ли ему послушать лекцию, разулся и скромно уселся в дальнем полутёмном углу коллекторской. Был час Билибина. Он читал главу о морфологии образований, возникающих в результате деятельности ледников. По сути это были части из его будущей книги о металлогении, которую писал он урывками от текущих дел... На этот раз по ходу изложения Билибин упомянул о происхождении так называемых “бараньих лбов” – характерных форм, образовавшихся в результате деятельности льдов. По окончании лекции задавались вопросы. Шур проявил активность – поднял руку:

– А что, и у нас на Колыме бараньи лбы есть? – спрашивает смиренно Шур.

Билибин, вцепившись рукой в край стола – так, что побелели на сгибах пальцы, чуть подавшись вперёд и глядя в упор на Шура, отвечает со свойственной ему чёткостью, отдельно и громко:

– **На Ко-лы-ме ба-ра-ньи лбы есть!..**

Больше Шур на лекциях не бывал... “Шуриада” продолжалась. И в жизни базы, и на бумаге:

*Среди других больших фигур,
Вполне достойных изваянья,
Твоя фигура, мудрый Шур,
Стоит вне соцсоревнованья.*

Гримасы чиновничества и поэзия жизни вечны...”

Эпилог, или Песнь об отважных рыцарях с золотыми копьями

– Я задаю себе и читателю мучительный вопрос: а есть ли Цареградские сегодня? Этим ответом и призвана стать “Сага о первооткрывателях”. Есть! Современная молодёжь ничуть не глупее той, что была раньше. В ней не меньше романтики. Она бы так же хотела путешествовать, ей просто не дано эти качества в себе выявить и развить. Молодые люди даже не догадываются, что это в них заложено! Условия диктует другая – техногенная – кибер-идеология. Молодёжь зажата в виртуальных рамках гаджетов, компьютеров, кислотных дискотек, тепличного прозябания. Её ориентируют на карьеру “офисного планктона”. А как может быть иначе у тех, кто никогда не играл в уличную “войнушку”, не ходил в ночное, на рыбалку, не скакал на лошадях, не вязал снопы, не заготавливал сено? Другого трудно ждать от такого поколения. Тем не менее, будучи потенциально заряжены той же пассионарной энергетикой, что и Цареградский с Билибиным, они терзаются от внутренней неудовлетво-

рённости. В них зреет, не может не зреть неосознаваемый бунт, который, к сожалению, проявляет себя совсем в других настроениях, формах и акциях. Ребята то бездумно скачут на флэш-мобах, то хлопают Навальному, то обрекают себя на какие-нибудь лимоновские выходки. У них просто нет тех ориентиров, флажков. А самое дикое: никто и не требует от них новых путешествий или открытий. Путешественник в наше время — это дорогое удовольствие, которое под силу не бескорыстному романтику, а богатенькому эгоисту, соскучившемуся по остренькому. Такой может позволить себя яхту, покорить Килиманджаро, поохотиться на льва, устроить дайвинг или даже полететь на воздушном шаре и собственном планере. Но это всего лишь экстремальный туризм, суррогат путешествия. Есть совсем уж редкие экземпляры-одиночки типа Конюхова и Шпаро. Но они, скорее, исключение из правил. Вдвойне печально: молодёжь на них тоже не ориентируется, скорее реагируя на тупые или совершенно сумасшедшие лайки в ютубе, которые не имеют ничего общего с созидательной романтикой первооткрывателей. Всё зависит, повторяю, от правящей идеологии, от поколенческого заказа, либо целеустремляющего миллионы далеко и надолго, либо гасящего волны искателей. То есть при огромном внутреннем замахе молодых ребят существует чрезвычайно зауженный горизонт обозначенных возможностей и запросов общества (читай: власти) — сейчас крайне жалких.

Александр Малиновский своею книгой решил встряхнуть молодёжь, особенно техническую, заразить её искательской энергией геологов, повысить престиж инженера — конструктора и изобретателя. Он ничего не придумывал — лишь из первых уст героев формулирует цели и задачи геолога, первооткрывателя. Для этого требуется ведь не так уж и много: “Молодой начальник экспедиции Цареградский признавался, что его так охватило желание прокладывать первые тропы, делать открытия, составлять первые географические и геологические карты, что ни о почестях, ни о славе он не думал, получив под своё начало экспедицию. Ощущение значимости пути в мир неизведанного не оставляло места для второстепенного. Начинало сбываться то, о чём мечталось с самого детства!”

— Долететь до цели! — с азартом подхватывает Малиновский. — А что чувствовала горстка плохо снаряжённых людей, оказавшихся непосредственно в объятиях дикой природы, будучи на тысячи километров оторванной от привычного? Ведь задача у геологов была не в том, чтобы просто выжить физически! Надо было свершить, наперекор всему, задуманное... Это был вызов! Так заманчиво прочувствовать, понять состояние отважных геологов... Каким был сам Цареградский? Многогранным!.. На склоне лет он напишет книгу “По экрану памяти”. Память у автора завидная! И если говорить про её экран, он не чёрно-белый. Это память инженера и художника, тонко чувствующего цвет, запахи и краски жизни. “Физик” Цареградский всё время в полевых условиях не расставался с фотоаппаратом. И рисовал! Составлял карты полулюдиного края. В моих записках тоже соединились золотоискатели и нефтяники, посёлки, месторождения, города Самара, Москва, Ленинград, Сургут, Тюмень... И всем этим я обязан Валентину Александровичу Цареградскому-старшему, золотодобытчику. Он, как мощный локомотив, потянул цепочку судеб из безвестности, подтолкнул к поиску, заставил прислушаться и услышать. Самое молодое поколение Цареградских живёт и работает сейчас на суровой земле Западной Сибири. Геологи, нефтяники, строители 1970-х годов свершили чудо! Они дали стране, миру нефть и газ Западной Сибири.

— Только начни читать дневник любого геолога, и станет понятно состояние, которое владеет им, когда он пытается прояснить то, что образовалось, сложилось за миллионы лет жизни Земли, — во вневременную переключку “врывається” ещё один легендарный колымский геолог — **Борис Иванович Вронский**. — Когда он со своими знаниями, опытом такой короткой, как выскерк, собственной жизни в сравнении с этой чудовищной глыбой — миллионными лет жизни планеты — стремится, как отважный рыцарь с картонным копьём, взять до сих пор никому не доступную крепость. Тут всё: и раздражение, и мука, и смятение. И радость открытий!.. Все жертвы, утраты, все трудности окупаются сознанием того, что ты первый ступаешь на новую, ещё никем не исследованную территорию, что ты первый имеешь возможность ознакомиться

с ней и поведать о её богатствах другим. Именно это, ни с чем не сравнимое ощущение первооткрывательства давало нам возможность легко переносить трудности, которые в других условиях казались бы почти непреодолимыми!

— Нечто похожее, конечно, в менее значительной степени, приходилось испытать и мне, — соглашается Малиновский. — Помнится то состояние окрылённости, когда я получил первое свидетельство на изобретение. То, что удалось сделать, не существовало до того в технике. Не было аналога! И вот изобретение есть, оно работает!.. Оно тиражируется. Ни с чем не сравнимое чувство...

* * *

И вот он оборвался, этот диалог... сквозь времена и судьбы...

Билибин, Цареградский, Серебровский, Вронский, Раковский, Берзин, Серпухов, Болдырев, братья Бертины...

Строй доблестных “рыцарей с золотыми копьями” величаво и безвозвратно ушёл за горизонт, оставив по себе освоенным гигантский и неисчерпаемо богатый край, стёр с земной карты миллионы квадратных километров “белых пятен”, совершил фундаментальные открытия и двинул вперед мировую науку. Они ушли...

А теперь нет с нами и замечательного певца их, коллеги по колену, соратника по стати — профессора, писателя и первооткрывателя Александра Малиновского. Нет его. Но в этой своей, увы, последней книге Александр Станиславович не просто попытался разобраться, в чём секрет научной удачи. Он здесь воздал — за нас за всех — дань благодарной памяти этим подвижникам науки, чьё забвение преступно, непростительно!

Что двигало им и ими? Мысль-озарение. Неугасимое горение. Смысл как поиск, и поиск смысла. Сознанная целеустремлённость. Удивительная цельность. Железная самодисциплина. Воля и разум. Плюс безмерная и бескорыстная любовь к родной стране, которую они хотели обогатить своими находками, открытиями и самородками, отдавая ей всё бескорыстно и безвозвратно, вкупе со здоровьем и судьбой, кои без того нещадно ломала, вознося до звёзд и вечности, Великая эпоха.

“Сага” закончена. Отзыв на неё я озаглавил: **“Памяти писателя, первооткрывателя”**. В первом слове допустима поправка: **“Памятник”**... Ибо уверен: будет ему памятник — в именных уличных и институтских табличках, в фамильном музее, будет и бюст писателя-инженера на родине его — в славной патриархальной Утёвке...